

Курбанов Сергей Олегович,
*российский кореевед, доктор исторических наук,
профессор Восточного факультета
Санкт-Петербургского государственного
университета (г. Санкт-Петербург)*

Русская православная церковь и Корея

Предисловие

Впервые автор настоящей статьи обратился к вопросу истории русской православной церкви в 1993 г. Тогда, во время научной стажировки в Республике Корея, мне удалось взять интервью у одного из лидеров православной общины в Сеуле – Ли Инсу, которого прихожане сеульской православной церкви, расположенной в районе Мапхо, называли по его крестному имени – Саввас Ли.

В то время иностранцы еще не так часто посещали православную церковь. До начала 1990-х гг. у Южной Кореи фактически не было активных связей со странами православного мира, за исключением Греции. Поэтому Саввас Ли с энтузиазмом откликнулся на мою просьбу и назначил время для интервью на один из августовских дней 1993 г.

Саввас Ли, принявший крещение в 1958 г., рассказывал мне больше всего о том времени, когда он сам был прихожанином церкви, о 1950-х – 1970-х гг., занимал ответственные посты в церковной общине. К примеру, в 1950-е – 1960 гг. он был хранителем Библиотеки православной церкви в Сеуле.

Интервью с Саввасом Ли побудило меня глубже заняться историей русской православной церкви. Итогом моей деятельности стала публикация статьи «Русская православная церковь и Корея» в журнале «Кунсткамера» в 1997 г.¹

С конца 1990-х гг. тема, связанная с историей русской православной церкви в Корею стала в известной степени мод-

ной. Из печати вышло большое количество публикаций, в том числе и специальный сборник статей, посвященный 100-летию православия в Корее.² При этом основное внимание в истории православия в Корее уделялось первой половине XX столетия, времени с 1900-х по 1940-е гг., в то время как период 1950-х – 1970-х гг. оказывался практически не описанным. Это и понятно: каких-либо достоверных материалов, касающегося этого периода истории православной церкви в Корее практически не сохранилось.

Учитывая сохраняющийся интерес общественности к вопросу истории русской православной миссии в Корее, автор решил откликнуться на просьбу редакционной коллегии сборника статей и предоставить рукопись для повторной (с небольшими исправлениями) публикации.

Первая часть статьи была написана почти два десятилетия назад. С тех пор я более не обращался к исследованию данной темы, поэтому часть информации, представленной ниже, может оказаться неточной или устаревшей.

Вторая часть статьи, основанная на интервью с Саввасом Ли, представляет несомненный интерес и является репринтом с издания: С.О. Курбанов. Неизвестные страницы из истории русской православной церкви в Корее в 1950-е – 1970-е гг. // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып.11. СПб., 2009, с. 108 – 115.

Русско-корейские контакты и влияние России на Корею

Формальной датой становления России и Кореи соседними государствами следует считать 1860 г., когда, согласно договору, подписанному между Россией и Китаем в Пекине, Уссурийский край был признан территорией России и, таким образом, Россия получила общую границу с Кореей вдоль течения реки Туманган. Соответственно в 1861 г.

была проведена маркировка указанной границы. Примерно с этого же времени начинается активный переход корейцев на территорию России с целью основания там своих поселений.

В 1884 г. был подписан русско-корейский договор о дружбе и торговле, после чего между Россией и Кореей устанавливаются официальные дипломатические отношения.

Вопрос русско-корейских отношений в целом нельзя назвать неизученным. В 1979 г. вышла в свет монография Б. Д. Пака «Россия и Корея», исчерпывающе представляющая общую канву отношений между двумя странами с самого их начала и до 1910 г., когда Корея была аннексирована Японией. Коллективная монография «СССР и Корея» охватывает период с 1910 по 1980-е гг.¹

В самой России в конце XIX — начале XX в. издавалось немало работ, так или иначе затрагивающих проблему отношений России и Кореи³. То же можно сказать и о советском периоде.

Таким образом, очевидно, что в отечественном корееведении настал период, когда уже появляется потребность рассмотрения проблемы русско-корейских отношений не в целом, а под тем или иным углом зрения. В частности, очень интересным на наш взгляд представляется аспект влияния России на Корею, наличие которого вряд ли кто-нибудь станет отрицать. При этом можно выделить следующие направления изучения этого вопроса:

1. Экономическое влияние. Что касается России дореволюционного периода, то можно сказать, что тогда она не оказала практически никакого влияния на Корею, за исключением короткого времени пребывания при дворе государя Кочжона российского финансового советника К.А. Алексеева⁴.

2. Политическое влияние. Было довольно сильным до конца 1890-х гг., затем резко ослабло в результате противодействия Японии. Поворотным пунктом условно можно считать

1898 г., когда из Кореи были отосланы все русские военные инструкторы и советники. Впоследствии политическое влияние России сошло на нет.

3. Религиозное воздействие России.

Длительность его и масштабы были невелики. Лишь в 1900 г. была основана Российская Духовная Миссия в Сеуле. За все время ее деятельности несколько сотен корейцев приняли крещение. Количество постоянных прихожан было еще меньше. Однако здесь мы имеем дело со своего рода феноменом. Если довольно значительное по размаху политическое влияние, так же как и экономическая деятельность дореволюционной России, практически не оставили никаких следов, православная церковь в Корее продолжала существовать. Сначала, до 1931 г., деятельностью ее руководила Российская Духовная Миссия, державшаяся во многом на личном энтузиазме и героизме последнего ее руководителя, отца Феодосия. Затем примерно сорок лет, до начала 1970-х гг., русская православная церковь продолжила свою деятельность во многом самостоятельно, не имея никаких отношений с православной церковью в России, часто поддерживаемая исключительно силами корейских верующих. И хотя формально с 1956 г. православная церковь в Корее стала подчиняться руководству греческой православной церкви⁵, на самом деле вплоть до 1975 г., времени приезда в Сеул греческого священника, о. Сотирiosa, все православные ритуалы проводились с использованием русских икон, одеяний и посуды, богослужебных книг.

Причины такого поистине удивительного явления еще предстоит объяснить. К настоящему времени нам пока что довольно сложно выдвинуть даже предварительные предположения относительно того, что же помогло православной (русской православной) церкви в Корее выжить в непростых условиях японской колонизации, а затем и в еще более сложной ситуации, когда страна-первоисточник религии, Россия, стала враждебным для Южной Кореи государством,

в особенности после Корейской войны. Тем не менее, учитывая то, что история русской православной церкви в Корее не столь хорошо известна в нашей стране, нам представляется весьма полезным изложить ее, хотя бы вкратце, в настоящей статье.

Открытие российской Духовной Миссии в Корее

В последнее время история Российской Духовной Миссии в Корее стала все больше привлекать внимание, как ученых, так и широкой общественности, что совершенно естественно в связи с изменением отношения к религии в нашей стране, а также установлением дипломатических отношений с Республикой Корея. Так, в 1993 г. в журнале «Серп и молот» вышла статья под названием «Русская православная церковь в Корее»⁶.

Еще в декабре 1991 г. наш соотечественник, проживающий в США, защитил в Сеульском университете «Енсе» диссертацию по теме «Опыт Русской Православной Церкви среди корейцев», в которой отдельная глава посвящена истории Российской Духовной Миссии⁷, но лишь до 1914 г. В ней представлен полнейший список работ, вышедших в дореволюционной России, в которых затрагивается история Миссии в Сеуле. Однако, на наш взгляд, книгой, где история Российской Духовной Миссии отражена наиболее полно, является сочинение последнего ее руководителя, присланного из России, - архимандрита Феодосия (в миру - Федора Ивановича Перевалова) «Российская Духовная Миссия в Корее. За первое 25-летие ее существования (1900-1925)», опубликованное в Харбине в 1926 г. Свидетельством этого, в частности, является и то, что немногочисленные южнокорейские издания, посвященные истории Миссии, практически полностью следуют содержанию указанной книги.⁸ Очевидно, что в ближайшее время ситуация эта вряд ли изменится, о причинах чего будет сказано особо.

Итак, православие пришло в Корею вместе с основанием в Сеуле Российской Духовной Миссии. О необходимости этого русские дипломаты, работавшие в Корее, стали писать уже через пять лет после установления отношений между Россией и Кореей. Объяснялось это не только необходимостью религиозного просвещения корейцев, которые тогда, с точки зрения христиан, считались «язычниками», но также и потребностью удовлетворения своих религиозных нужд постоянно проживавшими в Корее гражданами России, которых только в Сеуле к 1897 г. насчитывалось около 150 человек⁹. Ко всему прочему, позиции России в Корее в 1890-е гг., в принципе, укреплялись и даже имела место особая благосклонность к России со стороны корейского короля (а с 1897 года - «императора») Кочжона.

Таким образом, в 1897 г. Государь Император Николай II дает разрешение на открытие православной Миссии, а 2-4 июля 1897 г.¹⁰ Святейший Синод издает указ за №2195 аналогичного содержания. Одновременно был утвержден штат Миссии в составе трех человек: архимандрит, иеродьякон, псаломщик, который сохранялся практически на всем протяжении ее существования. До 1918 г. обязанности эти исполняли российские граждане, а затем частично корейцы.

В 1898 г. первый состав Миссии, в который вошли архимандрит Амвросий, иеродьякон Николай и псаломщик А. В. Красин, отправился к месту своей службы. Однако в связи с ухудшением русско-корейских отношений (1898 г. уже упоминался нами особо по этому поводу) миссионерам не удалось сразу прибыть в столицу Корейской Империи, а пришлось ждать особого разрешения на въезд в страну сначала во Владивостоке, а потом в небольшом военном поселении Новокиевске. Возможно, что одной из причин задержки был конфликт между российским и корейским руководством по поводу участка земли, на котором предполагалось открыть Миссию.

На первый взгляд инцидент этот может показаться не таким уж и важным. Но случилось так, что вопрос о миссийской земле не раз поднимался не только на протяжении истории самой Миссии, но и даже через несколько десятилетий после прекращения ее существования.

Суть конфликта 1898 г. состояла в следующем¹¹: русские уже давно присмотрели участок земли, находящийся рядом с Российской Дипломатической Миссией, для покупки, чтобы основать там миссию духовную. Корейский Император¹² выделил русскому правительству деньги для этих целей, демонстрируя этим свое расположение России. Однако в документах, сопровождавших переданные деньги, было сказано, что земля покупается якобы под банк. По непонятным для нас причинам вновь назначенный поверенный в делах.¹³ Н.Г. Матюнин отказался от указанного дара. Формальным поводом к такому отказу послужило то, что, по мнению Н. Г. Матюнина, было якобы «недостойным» принимать в дар для храма землю, назначение которой всячески скрывается от окружающих корейским Императором. В конце концов, полученные деньги были возвращены и земля куплена за счет российской казны.

Однако вернемся к первому составу Духовной Миссии. Хотя к середине 1899 г. и было получено разрешение на въезд в Корею, в Сеул отправился только иеродьякон Николай, так как два остальных члена Миссии по разным причинам выбыли из ее состава. Соответственно в январе 1900 г. на вакантные места прибыли архимандрит Хрисанф (в миру - Щетковский) и псаломщик Иона Левченко.

В целом историю Российской Духовной Миссии в Корею можно разделить на три этапа: 1900-1904 гг., до начала русско-японской войны, - время относительного процветания Миссии. Далее - 1906 - 1917 гг. - этап, охватывающий деятельность Миссии в составе русской православной церкви. И затем 1917-1931 гг. - самый сложный период автономного существования Миссии. За все это время шесть управляющих, присланных из России, возглавляли Миссию:

Таблица 1.
Управляющие Российской Духовной Миссией в Корее

№ п/п	Имя	Духовный сан	Годы
1	о. Хрисанф (Щетковский)	архимандрит	1900-1904
2	о. Павел (Ивановский)	архимандрит	1906-1912
3	о. Иринарх (Иван Симонович Шемановский)	архимандрит	1912-1914
4	о. Владимир (Скрижалин)	игумен	1914-1917
5	о. Палладий (Павел Селецкий)	иеромонах	1917
6	о. Феодосий (Федор Иванович Перевалов)	архимандрит	1917-1931

Естественно, не все они сыграли одинаковую роль в истории православной Миссии. Во времена заведования о. Хрисанфа и о. Павла масштабы миссионерской деятельности постоянно расширялись, Миссия процветала, несмотря на последствия русско-японской войны. Активно переводились на корейский язык богослужебные книги. Уже 15 октября 1900 г. была открыта школа для корейцев. В 1903 г. было завершено строительство миссийских зданий, наиболее значительными из которых было кирпичное здание школы, где и устроили потом помещение для церкви, а также двухэтажный жилой дом для миссионеров. Активно велась пропаганда православия среди корейцев, когда о. Хрисанф лично посещал дома корейцев и вел беседы (через переводчиков, конечно) на духовные темы. Примерно в то же время стали открываться «станы» (т. е. нечто вроде молельных домов) в провинции.

Архимандрит Павел продолжил работу, начатую до русско-японской войны. Открылись новые «станы», был организован церковный хор для корейских детей. Миссия даже основала собственное подворье во Владивостоке. Регулярно проводились воскресные службы, всегда заканчивавшиеся чаепитием. Однако в 1912 г. о. Павел был отослан во Владивосток

с повышением по службе и на смену ему пришли люди не столь талантливые и энергичные. Ко всему прочему в 1914 г. Россия вступила в Первую мировую войну и уже не могла уделять столько внимания духовным миссиям за рубежом, как раньше. Именно этим можно объяснить то, что в течение почти четырех лет, с 1914 по 1917 г., Миссию возглавлял человек, не имевший соответственного духовного сана, хотя и прилагавший максимальные усилия к тому, чтобы поддержать активность работы Миссии на прежнем уровне. В связи с финансовыми затруднениями военного времени в 1917 г. были закрыты все школы, основанные в Корее Миссией, кроме той, что находилась на ее территории. Ко всему прочему, предпоследний управляющий, пробывший в Корее лишь три с половиной месяца, о. Палладий, вместо миссионерской деятельности занимался тем, что созывал «собрания» верующих корейцев и принимал «постановления» о «самостоятельности» Сеульской Миссии, поддавшись, вероятно, революционной волне, захлестнувшей в тот год Россию.

Соответственно после 1914 г. дела Миссии стали постепенно приходить в упадок. В таком весьма сложном положении и принял ее в конце сентября 1917 г. новый заведующий о. Феодосий, не имевший еще в то время сана архимандрита. Он не был новичком в деле миссионерской деятельности, впервые приехав в Корею еще в 1906 г. в качестве «регента и учителя пения». В 1908 г. он принял монашество, в 1910-м был посвящен в сан иеродьякона и иеромонаха. Пробыл в Корее до 1911 г. И вот снова вернулся в 1917-м¹⁴.

Примерно через месяц после его прибытия в Сеул произошла Русская революция¹⁵, вслед, за чем последовало отделение церкви от государства, упразднение Синода, национализация части церковного имущества и т. д. Таким образом, Сеульская Миссия лишилась материального обеспечения из России. Сначала помогали русские соотечественники, имевшие деньги и волею судьбы оказавшиеся

за рубежом в период столь бурных событий. Затем о. Феодосию удалось сдать внаем часть миссийских зданий. Естественно, что в таких условиях ни о какой активной миссионерской деятельности и речи быть не могло. Ко всему прочему по тем же материальным причинам в конце 1918 г. уехал из Кореи и псаломщик, единственный русский в составе Миссии, не считая управляющего. Сократился и общий штат, комплектовавшийся корейцами. К концу 1918 г. осталось всего двое: священник-кореец и псаломщик-кореец.

Соответственно, еще и еще раз встает один и тот же вопрос. Каким же образом удалось русским миссионерам в таких совершенно невероятных по тяжести условиях не только собрать определенное число верующих, но и, так сказать, «запустить механизм» русского православия, который продолжал практически бесперебойно работать на протяжении многих десятилетий и часто без всякого дополнительного воздействия со стороны русской православной церкви?

Между прочим, интересно отметить то, что сам о. Феодосии, проживший в Корее в общей сложности чуть менее двадцати лет, был не самого высокого мнения о религиозных чувствах корейцев, их способности восприятия христианской веры: «...Отсюда ясно, на какой низкой ступени духовного развития находится корейский народ. Как он груб, как черств, как материален в делах веры вообще и в запросах духовной жизни в частности...

Вот среди этого-то индифферентного к вере полусонного народа христианским миссионерам приходится вести дело проповеди; вести его, так сказать, начистую, с одним евангелием в руках; будить ото сна физического и духовного; учить, наставлять, приводить ко Христу. Каковы будут плоды от всей этой общей христианской работы, насколько обильны и доброкачественны - время будущего покажет»¹⁶.

Ответить на поставленный выше вопрос пока не представляется возможным. Быть может, все случилось само собой, так сказать, «автоматически». До 1931 г. о. Феодосий уехал в Японию. Но остались миссийские здания, корейский персонал. Возможно, так же, как и в 1920-е гг., управляющие недвижимостью Миссии могли получать доходы от сдачи части зданий в аренду. В любом случае были корейские священники и прихожане. Много ли их было?

Первым корейцем, получившим в 1912 г. сан священника, был некто Иоанн Кан, еще с 1896 г. специализировавшийся на изучении русского языка и даже одно время обучавшийся в Курске¹⁷. В современной Южной Корее его заслуги ценятся довольно высоко. Действительно, он проработал в Миссии порядка десяти лет. Однако после того как Миссия перестала получать деньги из России, он с легкостью снял с себя сан священника и уехал во Владивосток в поисках лучших условий жизни.

Вторым корейцем, посвященным в тот же сан, был некто Лука Ким, работавший вместе с о. Феодосием не позднее чем с 1918 г. Особой оценки заслуживает псаломщик А. Г. Ким (Ким Донхан), учившийся в Миссии с 1907 по 1912 г., поступивший на службу в станы в 1914 г., сделавший огромную работу по переводу на корейский язык текста русских православных песнопений, которыми пользовались до 1976 г.¹⁸, и, главное, не покинувший Миссию в годы трудностей после Русской революции.

Число прихожан-корейцев, из которых все были, естественно, крещеные, к 1924 г. составляло 589 человек, из них жителей Сеула было порядка 200 человек¹⁹. Конечно, это не такая уж и большая цифра, особенно в сравнении с почти двумястами тысячами прихожан пресвитерианской церкви в Корее. Однако и в Сеуле начала 1990-х годов вряд ли можно было насчитать большее число корейцев, постоянно посещавших греческую православную церковь. Таким образом, определенные успехи Русской Духовной Миссии очевидны.

Добавим к этому лишь то, что и сейчас среди православных верующих в Сеуле можно встретить людей, с гордостью говорящих о том, что крестились у о. Феодосия²⁰.

Итак, обозначим последнюю из наиболее значительных вех, связанных с историей Российской Духовной Миссии в Сеуле. В 1923 г. по распоряжению Синода в Москве Миссия была изъята из ведения Владивостокского епархиального совета и причислена к Японской православной церкви. Одновременно было перерегистрировано имущество Миссии с включением его в состав так называемого «Имущественного Общества Японской Православной Церкви». Связано это было, в частности, и с тем, что Советский Союз готовился установить дипломатические отношения с Японией с последующим открытием Генерального консульства СССР в Сеуле²¹. И в случае регистрации имущества на имя русской православной церкви Миссия ставила себя под угрозу экспроприации ее собственности советскими властями. Чтобы избежать такой участи, и были сделаны соответствующие шаги, которые, правда, трагически сказались на судьбе православной церкви в Корее после ее освобождения от японских колонизаторов.

Вторым поворотным событием в истории Миссии после революционного периода явился отъезд о. Феодосия в Японию, где он скончался в 1931 г. Отъезд произошел не ранее 1930 г.

Дальнейшая судьба Миссии складывалась так. Некоторые корейские издания сообщают о том, что в 1930-е гг., и вплоть до освобождения Кореи в 1945 г. в составе Миссии постоянно находились три русских священнослужителя²².

Статья Л. Анисимова «Православная миссия в Корее. К 90-летию основания», опубликованная в №5 «Журнала Московской патриархии» за 1991 г., уточняет: с 1931 г. по 1935 г. Миссию возглавлял направленный из Японии по благословению архиепископа Японского Сергия священник А. Чистяков, которого сменил игумен (а впоследствии

архимандрит) Поликарп, прослуживший в Корее до 1949 г.²³ О том, что в Миссии были еще какие-то русские священники, в статье не сказано ничего.

С другой стороны, опрошенные автором статьи «ветераны» корейского православия утверждают, что о. Феодосий был последним русским священником в Корее, возглавлявшим Миссию.

Русская православная церковь в Корее в 1940-1970-е гг. (По материалам интервью с Саввасом Ли)

После освобождения Кореи от японского колониального господства в 1945 г. корейский священник о. Алексей Ким (Ким Ыйхан) активно взялся за расширение деятельности православной церкви. В то время «штаб-квартира» корейской православной церкви располагалась в комплексе построек Русской Духовной Миссии в Сеуле, который находился в центральном квартале Чондон, недалеко от построек Российской дипломатической миссии, в которых с 1925 по 1945 г. располагалось и активно функционировало Генеральное консульство СССР (в Японской Империи). Считается, что Ким Ыйхан возглавлял православную церковь вплоть до начала Корейской войны, до тех пор, пока 9 июля 1950 г. не был «увезен на Север коммунистической армией».

Однако, по неподтвержденным документально сведениям о. Сотирюса, с 1947 по 1950 г. в Миссии служил русский священник о. Поликарп, что, в свою очередь, противоречит информации из упоминавшейся статьи Л. Анисимова, согласно которой о. Поликарп служил в Миссии с 1935 по 1949 г. и возглавлял ее до 1948 г., когда его сменил на этой должности о. Алексей Ким.

Огромную роль в жизни корейской православной церкви сыграла Корейская война 1950-1953 гг., принесшая верующим не только суровые испытания, но и давшая корейской

православной церкви новый импульс. Что касается первого, то община лишилась своего священника, были разрушены здания, находившиеся на территории бывшей Российской Духовной Миссии. С другой стороны, вместе с войсками ООН, принимавшими участие в Корейской войне, в Сеул пришли и войсковые священники, в частности служители греческой православной церкви, вдохнувшие в жизнь корейского православия новые силы. Повысился интерес к православию; в то время огромное число людей крестилось, до нескольких десятков в день. В этой связи в литературе упоминается имя о. Андреаса (Халькиопулос), который принял не только активнейшее участие в распространении веры, но и помогал восстанавливать разрушенные войной миссийские здания. Он пробыл в Корее до 1954 г. Одновременно к руководству церковью приходит священник Борис Мун, прослуживший в ней вплоть до своей смерти в 1977 г. Кроме того, именно Корейская война, приведшая за собой греческих священников, подтолкнула корейских прихожан к идее вхождения под патронаж греческой православной церкви, что и было осуществлено в 1956 г.²⁴

Но на этом история русской православной церкви в Корее не закончилась. Богослужебные книги, которые использовались во время литургии, оставались «русскими», то есть переведенными с русского языка на корейский по инициативе первых российских православных миссионеров в начале XX столетия. Иконы и церковная утварь, использовавшаяся во время богослужений, была все той же, что и при русских миссионерах.

Возможно, некоторую роль в сохранении «русского духа» в православной церкви Кореи 1950-х гг. сыграл человек, чье имя не упоминается в научной литературе, но было живо в памяти корейских верующих. Это был русский иммигрант по фамилии Дионов. Формально никакой должности в церкви он не занимал, однако регулярно посещал ее и чем мог, помогал своим корейским единоверцам, был

своего рода вдохновителем. Примерно в конце 1962 - начале 1963 г. он уехал в США, где и провел остаток своих дней в доме для престарелых при русской православной церкви.

Собственно религиозная деятельность православной церкви в 1950 - 1960-е гг., если не считать кратковременного пика 1953-1954 гг., не была слишком активной. Число постоянно посещавших церковь верующих не превышало 10 - 20 человек. Причем главным образом это были уже люди в возрасте, получившие крещение еще в годы работы Миссии. По праздникам, однако, собиралось и до сотни человек. Центром же всей деятельности была церковная школа. Число учащихся составляло порядка 700 - 800 человек. Плата за обучение была мизерная. Предметы - как в общеобразовательной школе, если не считать «закона Божьего», который преподавался всего 1 час в неделю. Тем не менее, и среди молодых учащихся находились такие, кто начинал проявлять интерес к православию и более или менее регулярно посещать церковь.

В Миссии также была своя собственная библиотека. На рубеже 1950-х - 1960-х гг. хранителем библиотеки Российской Духовной Миссии, помещавшейся в здании миссийской школы был Саввас Ли. Давая мне интервью, Саввас Ли сказал, что в то время он знал русский язык.²⁵

Примерно в 1958 или 1959 г. корейским властям был направлен донос, где говорилось, что в библиотеке бывшей Миссии якобы хранится коммунистическая литература. Когда пришла полиция, Саввас Ли открыл опечатанную в то время библиотеку и каким-то образом сумел доказать полиции, что ничего опасного в ней нет, и даже наоборот - библиотека представляет особую ценность для государства.

И все же библиотеку сохранить не удалось. По «неосторожности» учителя музыки Ким Бенъена, находившегося в конце января 1961 г. в школе на ночном дежурстве, случился пожар, и здание школы вместе с библиотекой полностью

сгорело. Насколько известно, в библиотеке хранился архив Миссии, а также так называемая «Летопись Миссии».

На мой вопрос к Саввасу Ли насчет того, неужели ничего не удалось сохранить из материалов, связанных с историей Миссии, был получен отрицательный ответ. Однако по ходу интервью, как бы мимоходом, было сказано, что один из близких родственников Савваса Ли, работавший в одном из университетов Сеула (ничего более конкретного не было сообщено), начал было писать книгу об истории Миссии и православия в Корее, но умер, и теперь сам Саввас собирается взяться за эту работу. Сказанное навело меня на предположения о том, что, возможно, Саввас Ли все-таки обладал определенными источниками, которые до поры до времени, то есть до момента публикации своей книги об истории православия в Корее, он не хотел представлять общественности.

Пожар, произошедший в миссии в начале 1961 г., явился большим ударом для жизнедеятельности православной общины. После пожара школа прекратила свое существование, и больше не было попыток воссоздать ее заново.

С другой стороны, трагическая гибель «Летописи Миссии» могла сыграть определенную положительную роль в непростой судьбе корейского православия 1950-х - 1960-х гг. И это было связано с вопросами более материальными, нежели духовными.

Как известно, после освобождения Кореи от японской колонизации все имущество, принадлежавшее до того японцам, было национализировано. А в 1923 г. все имущество Миссии (хотя и формально) стало принадлежать Японской православной церкви. Соответственно после того, как в 1948 г. американская военная администрация передала все японское имущество правительству Республики Корея, территория бывшей Российской Духовной Миссии вместе с ее постройками автоматически стала собственностью государства. Корейская война на время сняла, возникший

было конфликт по поводу собственности между государством и православной церковью. Однако после ее окончания он снова встал на повестку дня. И в 1959 г. начался долгий судебный процесс, длившийся около семи лет.²⁶

Представители корейской православной церкви отстаивали свои права собственности на основе документов, утверждавших, что земля для постройки зданий бывшей Российской Духовной Миссии была подарена императором Кочжоном (годы правления: 1863 – 1907) и поэтому никак не могла быть японской собственностью. В конце концов, суд принял решение в пользу православной церкви, что довольно трудно объяснить, так как, насколько известно, земля для Миссии была куплена за российские деньги, не говоря уже о самих миссийских постройках. Возможно, свою положительную роль сыграл пожар, уничтоживший архив Миссии. Ведь там хранились документы, свидетельствовавшие совсем о противоположном.

Однако победа не решила проблем православной церкви. Небогатая в финансовом отношении, она была не в состоянии оплатить судебных расходов. В итоге возвращенную решением суда землю, находившуюся в самом сердце Сеула, а поэтому очень дорогую, пришлось продать. На полученные деньги приобрели новый участок земли в районе Ахен. (Покупателем миссийской земли была вторая по величине в Корее телерадиокорпорация «Мунхва».) В том же 1966 г. начали строительство нового храма в византийском стиле, который был закончен к 1968 г. В следующем 1969 г. «по состоянию здоровья» священник Борис Мун ушел с должности главы церкви, и на его место по распоряжению архиепископа Северной и Южной Америки, чьей власти подчинялась корейская православная церковь, был прислан священник Юджин Папас.

Все эти перемены, начавшиеся еще с момента подчинения корейской православной общины греческой патриархии в 1956 г., стали большим ударом для русской православной

церкви в Корее. Во-первых, с потерей земли и миссийских построек (все, что еще сохранилось на территории бывшей Российской Духовной Миссии к 1966 г., было снесено теле-радиокорпорацией «Мунхва» с целью подготовки площадки для строительства собственных зданий) как бы нарушилась физическая связь с корнями, с первоисточником самой этой веры на территории Кореи. Во-вторых, церковь перестал возглавлять священник, ориентированный на русскую православную церковь.

И, тем не менее, иконостас в новом православном храме все еще оставался русским, богослужебные книги русскими, церковная утварь русской. И, как утверждал Саввас Ли, до приезда в 1975 г. о. Сотириоса служба велась так, как это было заведено еще при русских миссионерах.

Таким образом, 1975 год как бы завершил историю русской православной церкви в Корее, начавшуюся в начале XX столетия. Из Греции были привезены новые иконы, книги, одеяния. В храме звучали имена новых святых. Но все же и после подобных кардинальных перемен, в севильской православной церкви сохранялась историческая преемственность с русской православной церковью.

В этой связи, прежде всего, следует сказать о том, что на подземном этаже одного из административных зданий комплекса православной церкви в районе Мапхо в 1990-е гг. находился музей русской православной церкви, где в двух небольших комнатах были бережно выставлены иконы, одеяния, церковная утварь, привезенные в Корею русскими миссионерами. Тут же можно было найти знаменитые переводы богослужебных книг, которыми пользовались более шести десятилетий, и даже часть миссийской мебели. (В конце 2000-х гг., в связи с реконструкцией служебных построек церкви музей был закрыт).

В небольшом здании по соседству, где по воскресеньям в 1990-х гг., как и при русских миссионерах, по окончанию службы происходили чаепития, находились портреты трех

управляющих Миссии, внесших наибольший вклад в дело распространения православия на земле Страны Утренней Свежести: о. Хрисанфа, о. Павла и о. Феодосия, которые как бы взирали на плоды своей деятельности. (В настоящее время, в связи с реконструкцией, указанные портреты были сняты).

Кроме того, в 1990-е гг. в Сеуле еще можно было найти другие материальные свидетельства пребывания Русской Духовной Миссии в Корею. Так, недалеко от того места, где находилась Российская Дипломатическая Миссия, и, судя по старым картам, рядом с территорией Духовной Миссии²⁷ до 1996 г. находился ресторан «Ханам» - здание, которое практически полностью повторяло архитектуру миссийской школы: характерная кирпичная кладка, особая форма окон, точно такой же фронтон с кругом посередине и т. п. Единственная принципиальная разница заключалась в том, что старое здание было двухэтажным, в то время как ресторан имел только один этаж. Одно время такая схожесть наводила на предположение о том, что это здание было поздней реконструкцией пострадавшего во время пожара (или даже Корейской войны) здания школы.

Однако Саввас Ли категорически отверг мое предположение, заявив, что это было лишь подражание стилю старого миссийского здания, что, мол, просто люди, владевшие землей по соседству в начале 1960-х (?) гг., решили построить дом, повторявший красивую архитектуру строения, находившегося рядом. Трудно сказать, насколько был прав Саввас Ли, однако в любом случае посетители, приходившие до 1996 г. на историческое место Русской Дипломатической Миссии, где от старых построек сохранилась только так называемая «Часовая башня», имеющая, кстати, аналогичный узор на фронтоне, могли получить наглядное представление о том, как примерно выглядела раньше Духовная Миссия. Однако, к сожалению, в 1996 г. здание ресторана «Ханам» было снесено.

И все же, как представляется, главным итогом, как деятельности самой Миссии, так и последующего «автономного» существования русской православной церкви в Корее является нынешнее самовосприятие верующими своей церкви, выразившееся, в частности, в ее корейском названии. Дело в том, что корейцы, по крайней мере, в 1990-е гг., не считали ее «греческой православной церковью», несмотря на формальное руководство со стороны греческой православной администрации, а также на значительное изменение в ходе богослужений, внешнем убранстве и т. п. Наоборот, тогда верующие подчеркивали свою связь с русской православной церковью, помнили свои исторические корни и называли свою церковь просто «православной церковью».

Таким образом, усилия, приложенные русскими миссионерами в деле пропаганды православия в Корее, не пропали даром, а, наоборот, оказались весьма плодотворными.

¹ СССР и Корея. М., 1988.

² Можно выделить три основных направления в рассмотрении вопроса российско-корейских отношений: проблема корейцев на русском Дальнем Востоке (напр.: Тугарин М. О местных корейцах. Владивосток, 1886. №19); описание российско-корейских отношений в связи с какими-либо специальными вопросами или в контексте общего представления этой малоизвестной страны (напр.: Описание Кореи. СПб., 1900. Т. 1-3); отдельное рассмотрение отношений между двумя странами (напр., в работе Н. В. Кюнера «Сношения России с Дальним Востоком на протяжении царствования Дома Романовых». Владивосток, 1914).

³ В советский период книги на указанную тему издавались, главным образом, после 1945 г. и затрагивали, в основном, вопросы, связанные с отношениями между СССР и КНДР, причины чего очевидны.

⁴ Естественно, что в 1890-е гг. российские предприниматели занимались довольно активной экономической деятельностью в

Корее, направленной на разработку природных ресурсов, строительство телеграфных линий и т. п. Однако нараставшее влияние Японии, а также поражение в русско-японской войне свели все их усилия на нет. Можно отметить и то, что с самого начала российские дипломаты, служившие в Корее, скептически относились к возможности экономического влияния России в Корее.

Напр., глава «Советский Союз и восстановление народного хозяйства КНДР (1953-1956)» в книге «СССР и Корея» и т. п. К примеру, на наш взгляд, весьма интересным представляется аспект сочетания традиционного экономического уклада (связанного, соответственно, с традиционной социальной структурой общества) с привнесённым извне комплексом социалистической экономики.

⁵ Марксистская литература перестала быть запрещенной в Южной Корее с середины 1980-х гг. и очень популярна в среде студенческой молодежи, главным образом - у представителей неимущих слоев. В Корее практически нет такого книжного магазина, где невозможно было бы найти литературу о марксизме.

В самой Южной Корее можно встретить самые различные версии, касающиеся даты отъезда из Кореи о. Феодосия. При этом всегда речь идет о 1930-х гг. По сообщению преподавателя Восточного факультета СПбГУ к.и.н. Н. А. Самойлова, в Японии находится могила о. Феодосия, служившего в Корее, с датой смерти в 1931 г. Поэтому нам представляется, что временем службы о. Феодосия в Корее должен быть 1931 или 1930 г. Чонъгхверыль альго кесимникка? (Знаете ли Вы православную церковь?). Сеул, б. г. С. 53.

⁶ Русская православная церковь в Корее // Серп и молот. 1993. 1 февр.

⁷ Michail Belov. The experience of the Russian Orthodox Church among Koreans, 1865— 1914. (A thesis ... for the degree of Master of Arts...). Seoul: Yonsei University, December 1991. Chapter IV, В: «The Seoul Mission». Р. 126-157.

⁸ Напр., Чонъгхве... (Знаете ли Вы...).

⁹ Архимандрит Феодосии (Перевалов). Российская Духовная Миссия в Корее: За первое 25-летие ее существования (1900-1925 гг.). Харбин, 1926. С. 9.

¹⁰ Там же. С. 11.

¹¹ Излагается по: Там же. С. 32-41.

¹² В 1897 г. Корея была провозглашена империей и соответственно глава государства стал называться императором.

¹³ Так до 1902 г. именовался глава Российской Дипломатической Миссии.

¹⁴ Более подробные биографические данные см.: Архимандрит Феодосии. Указ. соч. С. 117.

¹⁵ Так в литературе 1920-х гг., изданной за пределами Советской России, именовалась Великая Октябрьская социалистическая революция. Мы употребляем этот термин в настоящей статье как наиболее нейтральный и отвечающий духу цитируемых источников.

¹⁶ Архимандрит Феодосии. Указ. соч. С. 172-173.

¹⁷ Там же. С. 78.

¹⁸ Чонъгехве... (Знаете ли Вы...). С. 50.

¹⁹ Архимандрит Феодосии. Указ. соч. С. 163.

²⁰ Напр., Пак Сун Хо, крестное имя - Михаил. Родился в 1923 г., крестился у о. Феодосия в 1926 г.

²¹ СССР и Корея. С. 59.

²² Чонъгехве... (Знаете ли Вы...). С. 51.

²³ Журнал московской патриархии. 1991. №5; Анисимов Л. Православная миссия в Коре: К 90-летию со дня основания. С. 58-59.

²⁴ Формально церковь подчинена греческому православному руководству и функционирует согласно требованиям греческой православной церкви. Однако в корейском названии, отражающем самовосприятие своей веры прихожанами, слово «греческая» отсутствует. Подробнее см. с. 33 настоящей статьи.

²⁵ По утверждению Савваса Ли, он забыл русский язык. Однако, учитывая вероятность того, что и теперь он работает с русскоязычными документами, думается, что утверждение это не до конца справедливо.

²⁶ Чонъгехве... (Знаете ли Вы...). С. 53-54. По другим источникам, судебный процесс длился 13 лет (см.: Хангук минжок мунхва тэбэкква сачжон (Энциклопедический словарь культуры корейской нации). Т. 24. Сеул, 1988). Саввас Ли при этом уделяет особое внимание процессу 1961-1966 гг.

²⁷ В нашем случае мы использовали ксерокопию карты 1899 г. «План участков Церковного и Императорской Миссии в Сеуле» из архива Министерства иностранных дел России, шифр: Миссии в Сеуле Къ №30 1899 г.